

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах:
трансформация взаимоотношений

moods, estimations by the people of current events, their attitude toward the changes of politics of the state in national and religious spheres in this period.

Keywords: the Great Patriotic War, national and religious politics, public consciousness, moods.

Kydyralina Zhanna U., Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Assembly of people of Kazakhstan, Kh. Dosmuhamedov Atyrau State University. Kazakhstan, Atyrau, e-mail: kydyralina@mail.ru

УДК 94(47)+355/359

И.В. Маслова

Россия, г. Елабуга

**ФЕНОМЕН ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗА
«ПОВЕРЖЕННОГО ВРАГА» В СОЗНАНИИ СОВЕТСКИХ
ЛЮДЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье исследуется социокультурный и психологический феномен восприятия «образа поверженного врага» в сознании советских людей, находившихся в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны, на материалах деятельности Елабужского, Суздальского и Рязанского лагерей НКВД для военнопленных. Осознание военнопленных как «поверженного врага» стало началом к восприятию войны как величайшего бедствия всего человечества, а также к эволюции «образа врага» в послевоенное время и трансформации его в исторической памяти.

Ключевые слова: «образ врага», Великая Отечественная война, лагерь военнопленных.

Великая Отечественная война вошла в историю как Священная война не только из-за колоссальных потерь, значения и итогов. Это связано с тем, что в ходе войны возродилась священная идея подвига во имя Отечества, невзирая на сталинско-коммунистическую идеологию и созданный режим. Современная историческая наука обогатила подходы к изучению Великой Отечественной расширив ракурс и на-

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах: трансформация взаимоотношений

правления исследований [2; 5; 6; 13]. Изучение такого специфического явления как война требует исследования психологии человека на войне и в тылу. Историки изучают личность в экстремальной пограничной ситуации, при этом речь идет не только о непосредственных участниках боевых действий, но и о людях, живших в тяжелейших условиях оккупации, тыловой повседневности.

В первое десятилетие XXI в. сложилась новая междисциплинарная отрасль истории – военная антропология, использующая исследовательский инструментарий психологии, истории, культурологии, медицины и ряда других наук. Среди основных направлений военной антропологии выделяется изучение психологических особенностей и последствий пребывания в плену, раскрытие феномена восприятия образа «врага» в экстремальных военных условиях и в обстановке тыловой повседневности.

В данной статье мы поставили цель изучить социокультурный и психологический феномен восприятия образа «поверженного врага» в сознании советских людей, находившихся в условиях тыла в годы Великой Отечественной войны, на материалах деятельности лагерей НКВД для военнопленных.

Победа Красной Армии под Сталинградом, ставшая началом коренного перелома в Великой Отечественной войне, одновременно явилась поворотным событием в жизни сотен тысяч немецких солдат, попавших в советский плен.

Советское руководство обратило внимание на проблему необходимости размещения военнопленных еще до начала контрастступления. И даже раньше, в 1939 г. издается приказ № 0308 Л.П. Берии «Об организации при НКВД СССР Управления по военнопленным, утверждению его штатов и организации лагерей для содержания военнопленных» [11], по которому было организовано Управление по военнопленным при НКВД СССР. 1 июня 1941 г. издается Постановление СНК СССР №1798 – 800с «Об утверждении положения о военнопленных», согласно которому «Приемные пункты лагерей для военнопленных развертываются в армейском тылу по указанию командования армии, а лагеря организуются вне зоны военных действий распоряжением НКВД СССР по согласованию с Наркомобороны» [9, с. 12–16].

Созданный в июле 1942 г. под Сталинградом распределительный лагерь для военнопленных № 50 пустовал. Но контрастступление Красной Армии и окружение 330-тысячной группировки под командовани-

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах: трансформация взаимоотношений

ем Ф. Паулюса привели к резкому увеличению количества немецких военнопленных, что вызвало увеличение числа пунктов их приема.

В апреле 1943 г. в Елабуге был образован лагерь № 97 Главного Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В Списке лагерей НКВД СССР для военнопленных было обозначено 35 учреждений и только четыре офицерских лагеря, среди которых был Елабужский лагерь. Начальником лагеря был назначен майор Татарской АССР милиции А.И. Щербаков.

В Елабужский лагерь было направлено наибольшее количество немецких офицеров из-под Сталинграда – 2000 человек. Для сравнения отметим, что Оранский лагерь № 74 принял 895 немецких офицеров из-под Сталинграда [10, с. 49].

Исследование жизни солдат вермахта, попавших в плен, дает возможность изучать не только устройство и быт лагеря для военнопленных, поведенческие практики противника в условиях плена, но и трансформацию понятия «образ врага» в сознании советских людей. Учитывая историко-психологический фокус исследуемой проблемы, мы старались использовать в качестве источников эго-документы, в которых ярче всего проявлялись внутренние установки и психологические детали восприятия.

Виганд Вюстер попал в плен 31 января 1943 г. и был направлен в Елабужский лагерь НКВД № 97. В своих воспоминаниях он описывает первый день пребывания в лагере, подчеркивая весьма скудную обстановку, но чистоту и гигиену в помещениях для военнопленных. «Истертые деревянные ступеньки привели нас на второй этаж одного из двух больших блочных зданий. Все было старым и серым, но чисто и свежо убрано. Приятная неожиданность была уготована нам в помещении для пребывания: двухъярусные деревянные нары вдоль стены между окнами. На нарах лежали соломенные матрасы, облаченные в белые наперники. Мы также увидели подушки и достаточно добротные одеяла. В центре помещения стоял грубый деревянный стол с характерными лавочками возле него, на которых удобно пить пиво в саду. После всего, что нам пришлось пережить, мы воспринимали эту комнату, как номер люкс в отеле» [3, с. 57].

Поясним, что Елабужский лагерь для военнопленных разместился на территории бывшего Казанско-Богодицкого женского монастыря, построенного в Елабуге в 1868 г., а помещения, которые описывает Вюстер, находились в корпусе, где в монастырский период располагались кельи.

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах: трансформация взаимоотношений

Подобную же ситуацию описывает Александр Соломонович Бланк, переводчик Суздальского лагеря. «Невольно для себя почти на каждом шагу военнопленные, даже самые закоренелые малoverы, отмечали образцовый порядок, существовавший в этом лагере, опрятные жилые помещения, чистое белье и, пожалуй, главное – сытную пищу» [1, с. 220].

Главной проблемой всех лагерей в дни приема военнопленных была организация санитарно-гигиенических мероприятий по предотвращению распространения вшей, а значит и тифа. Военнопленных брили, мыли, выдавали чистую одежду. Но тиф оставался проблемой всех лагерей. Советские врачи и медсестры, которые работали в лагерных госпиталях, не жалея себя, нередко заражались тифом и умирали. «Тяжело заболели врачи Лидия Соколова и Софья Киселева, начальник медицинской части госпиталя молодой врач Валентина Миленина, медицинские сестры, переводчик Рейтман и многие другие. Несколько наших работников погибли от тифа» [1, с. 223].

Еще одной проблемой стало сильное истощение пленных, прибывших из-под Сталинграда. «Для вновь прибывших в первые дни был организован осмотр. Я в числе многих других был квалифицирован как дистрофик, то есть жалкие ходячие кости», – вспоминает В. Вюстер [3, с. 59].

В Приказе НКВД устанавливались нормы довольствия различных категорий военнопленных (офицеров, больных, дистрофиков, задействованных на тяжелых работах и т.д.). Норма продовольственного пайка для больных дистрофией включала 24 вида продуктов от хлеба и мяса до овощей и пивных дрожжей, которые помогали излечивать загнившие от истощения раны. Назовём лишь некоторые позиции из суточного продовольственного пайка для больных дистрофией: 500 гр. пшеничного хлеба; 150 гр. мяса; 50 гр. риса; 20 гр. сахара. Ежедневное хлебное довольствие, выдаваемое немецким пленным офицерам, составляло 300 гр. пшеничного и 300 гр. ржаного хлеба [12, с. 73–76]. Находящиеся в Елабуге в эвакуации ученые Ленинградского университета были удивлены такой заботой о пленных. «Как рассказывала тетя, работавшая врачом в лагере (Лагерь НКВД № 97), пленные получали в первые месяцы диетическое питание, им 5 раз в день давали рис (а никто из ленинградских ученых, даже академики, за все годы не видели ни крупинки риса)» [8, с. 251]. Несмотря на то, что нормы пайка военнопленных были выше норм советских людей, находящихся в тылу, голод и недоедание оставались серьезной проблемой. Как писал Виганд Вюстер, «мучительный голод все равно преследовал нас».

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах: трансформация взаимоотношений

Паек военнопленных включал также 200 гр. мыла, табак (для офицеров 15 папирос) и спички. «Махорка марки «смерть фашистам» была самой доходной. На коричневых пакетиках из упаковочной бумаги был изображен удирающий Гитлер, в затылок которого летят советские бомбы. И напечатано «Смерть немецким оккупантам» [3, с. 61]. И это была визуализация «образа врага», получившая широкое распространение на плакатах, открытках, в периодической печати.

Войны XX в. отличались выработкой стереотипов в восприятии противника. Но в смертельном противостоянии в годы Великой Отечественной войны сошлись два полярных тоталитарных режима, что способствовало значительной идеологизации образа врага в каждой из воюющих держав. В начале войны в среде советского общества еще существовало разделение на «немца» и «фашиста», т.е. еще не в каждом немце видели приверженца гитлеровского режима. Но уже в 1942 г. появился лозунг «Убей немца!», сошедший из-под пера писателя И. Эренбурга [15, с. 257]. *С этого времени в общественном сознании границы между «немцами» и «фашистами» стерлись окончательно.*

В свете сказанного интересен вопрос о восприятии советскими людьми «образа поверженного врага» – военнопленного. Отметим, что единственными представителями советской стороны, с кем пленные могли контактировать, это были советские военные, охранявшие лагерь – медперсонал, переводчицы и повара, работавшие в лагере.

Воспоминания военнопленных позволяют сделать вывод, что советские люди относились к пленным немцам сдержанно, но не ненавидели их. Вюстера удивил случай, когда караульный ударил пленного кулаком в лицо. «Мы уже давно привыкли к тому, что охранники при транспортировке были дружелюбны, поэтому этот неожиданный гнев охранника отрезвил нас» [3, с. 61]. С теплотой вспоминает Вюстер «ленинградскую врачиху» И.М. Малевицкую. «Забота Малевицкой поставила на ноги большинство дистрофиков, в том числе и меня. Этот ангел навсегда остался в моих воспоминаниях» [3, с. 66].

Начальник амбулатории лагеря НКВД № 97 Татьяна Александровна Нечаева в своих воспоминаниях приводит факты о том, как русские медсестры и пленные немцы воспринимали друг друга: «Пленные первой нами принятой группы были по отношению к нам настроены негативно. Они упорно отказывались идти в баню, больные не давали делать уколы и не брали лекарства. Было немало убежденных фашистов, ведущих анти-советскую пропаганду, стараясь убедить военнопленных, что падение Германии – это не конец фашизма, фашизм будет возрожден» [7, с. 143].

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах: трансформация взаимоотношений

Слова благодарности советским людям, работавшим в системе лагерей военнопленных, звучат почти во всех воспоминаниях немецких пленных. Заключенный Рязанского лагеря военнопленных № 178-454 писал: «Насколько мы знали, даже обусловленные военным временем нормы снабжения русского гражданского населения в Рязани были очень низкими. Тем более настойчиво я должен упомянуть о том, что мне не раз встречались русские люди, у которых находились лишние кусок хлеба, стакан молока, ломтик сала, пара картофелин или яблоко, что в конечном итоге позволило мне выжить. Особенно необходимо вспомнить здесь русских женщин, которые встречались нам за пределами лагеря, а также работали лагерными надзирателями или инспекторами. Они проявляли настоящую человечность, даже если их мужья, сыновья или внуки были нашими военными противниками. Может быть, они именно поэтому и были в состоянии видеть в нас не только врага, но и человека, которого, как и их собственных родственников, война унизила до замученного создания» [14, с. 150].

В целом источники показывают, что советские люди, вынужденные работать в лагерях для военнопленных, сумели преодолеть, либо умело скрывали ненависть к противнику. Возможно потому, что этот противник был уже повержен и поменял статус «непримиримого врага» на статус «военнопленного». Еще одной причиной терпимого отношения к пленным немцам была и необходимость антифашистской пропаганды, которая строилась на противопоставлении фашистского и советского режима с демонстрацией преимуществ последнего.

В каждом лагере для военнопленных проводились плановые антифашистские мероприятия, формировались антифашистские кружки из числа военнопленных. «Летом 1943 г. русские начали осуществлять политические индоктринации. Для этого они доставляли в лагерь нескольких немецких эмигрантов, которые убежали от Гитлера. Эмигранты держали ничего не значащие марксистские речи, на прослушивание которых, вследствие низкого к ним интереса, были введены обязательства. Караульные насильственно приводили нас слушать эти доклады», вспоминал Виганд Вюстер [3, с. 61].

В Елабужском лагере № 97 раз в 2–3 дня организовывались радиотрансляции на немецком языке «Эти передачи предназначены для содержащихся в лагере военнопленных, в основном офицерского состава, и крайне необходимы в агитационной и пропагандистской работе в

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах: трансформация взаимоотношений

направлении, нужном по разложению их, т.к. по указаниям Наркомата Внутренних Дел Союза ССР и Политуправления РККА [мы] не имеем права предоставлять газетный материал в том виде, который существует обычно» [4, л. 166].

В целом ненависть к врагу, принесшему столько страданий, была естественным чувством советских людей как на фронте, так и в тылу. В некоторых случаях эта ненависть распространялась и на поверженного врага – военнопленных. Но тыловое население терпимее относилось к врагу, чем население, которое находилось в условиях оккупации.

Создание системы лагерей НКВД для военнопленных в СССР показывает, что советское руководство осознавало необходимость содержания военнопленных в соответствии с нормами и принципами Женевской конвенции, предусматривающей воспрещение жестокого обращения с военнопленными. Детальная регламентация условий содержания, размеров продуктового и продовольственного довольствия была прописана в многочисленных постановлениях и распоряжениях центральных органов власти СССР. Это свидетельствует о том, что на государственно-законодательном уровне противник, взятый в плен, как бы выводился за рамки понятия «враг». Но XX в. являлся веком противостояния идеологий, развития СМИ, способных оказывать влияние на сознание людей. Поэтому «образ врага» – фашиста как идеологическая и психологическая конструкция стала феноменом массового сознания советских людей в годы Великой Отечественной войны. Вместе с тем анализ источников по истории функционирования лагерей НКВД для военнопленных показывает, что в условиях тыла в сознании советских людей, которые работали в этих учреждениях, военнопленные воспринимались как «поверженный враг». И это были первые шаги к восприятию войны как величайшего бедствия всего человечества, а также к эволюции «образа врага» в послевоенное время и трансформации его в исторической памяти.

Библиографический список

1. Бланк А.С. Пленники Сталинграда // Новый мир. 1983. № 9. С. 205–226.
2. ВУЗы Томска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С.Ф. Фоминых, А.Н. Сорокин, С. А. Некрылов, А. В. Литвинов // Русин. 2015. № 2. С. 32–45.

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах:
трансформация взаимоотношений

3. Вюстер В. Выжить?... для нас не предусматривалось! / Пер. с нем. Ю.А. Романовой. М., 2007. 100 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-15. Оп.5. Д.147. Л.166–167.
5. Гришин А.А. Великая Отечественная война и ее фальсификаторы // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №5. С. 10–13.
6. Кабирова А.Ш., Кривоножкина Е.Г., Бушуев А.С. Нам жить и помнить. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань: Фолиант, 2016. 248 с.
7. Нечаева Т.А. Воспоминания. Цит.: по Галлямова Д.Г. Елабуга... сердцу близкое звучание. История создания и формирования Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Казань: Центр инновационных технологий, 2019. 268 с.
8. Никифоровская Н.А. Владимир Иванович Смирнов. Воспоминания // Владимир Иванович Смирнов, 1887–1974 / Отв. ред. О.А. Ладыженская, В.М. Бабич. М.: Наука, 2006. 327 с.
9. Постановление СНК СССР №1798-800с «Об утверждении положения о военнопленных» // Деятельность органов и учреждений советской уголовно-исполнительной системы по содержанию военнопленных и интернированных лиц в годы Второй мировой войны. Сборник документов. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 12–16.
10. Предложения о мероприятиях по организации вывоза военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы. Деятельность органов и учреждений советской уголовно-исполнительной системы по содержанию военнопленных и интернированных лиц в годы Второй мировой войны. Сборник документов. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 49.
11. Приказ № 0308 Л.П. Берии об организации при НКВД СССР Управления по военнопленным, утверждении его штатов и организации лагерей для содержания военнопленных от 19.09.1939 г. [Электронный ресурс] // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1007751> (Дата обращения: 27.01.2020).
12. Приказ НКВД № 00683 «Об изменении норм продовольственного снабжения для военнопленных». Москва 9/10 апреля 1943 г. // Деятельность органов и учреждений советской уголовно-исполнительной системы по содержанию военнопленных и интернированных лиц в годы Второй мировой войны. Сборник документов. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 73–76.
13. Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли (по итогам первого пятнадцатилетия

РАЗДЕЛ 4. Власть и общество в экстремальных обстоятельствах:
трансформация взаимоотношений

XXI века) // История и историки: историографический вестник. 2013–2014. М.: Наука, 2015. С. 88–110.

14. Шиппманн Г. Мой путь в рязанский плен // Деятельность органов и учреждений советской уголовно-исполнительной системы по содержанию военнопленных и интернированных лиц в годы Второй мировой войны. Сборник документов. Рязань: Академия ФСИН России, 2012. С. 145–151.

15. Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. 796 с.

Маслова Инга Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского федерального университета. Россия, г. Елабуга, e-mail: imaslovainga@gmail.com.

**THE PHENOMENON OF PERCEPTION OF THE IMAGE
OF A «DESTROYED ENEMY» IN THE CONSCIOUSNESS
OF SOVIET PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article examines the sociocultural and psychological phenomenon of the perception of the «image of the defeated enemy» in the minds of Soviet people who were in the rear during the Great Patriotic War, on the materials of the activities of the Elabuga and Ryazan NKVD camps for prisoners of war. The awareness of prisoners of war as a «defeated enemy» was the beginning to the perception of war as the greatest disaster of all mankind, as well as the evolution of the «image of the enemy» in the post-war period and its transformation in historical memory.

Keywords: «image of the enemy», the Great Patriotic War, prisoner of war camp.

Maslova Inga V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World and National History, Elabuga Institute of Kazan Federal University. Russia, Elabuga, e-mail: imaslovainga@gmail.com

В.П. Мотрович
Россия, г. Екатеринбург

**УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
В ТАТАРСКОЙ АССР В 1942–1949 гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ,
ДИСЛОКАЦИЯ, СМЕРТНОСТЬ КОНТИНГЕНТА**

Приведены данные о количестве лагерей ГУПВИ НКВД (МВД) СССР и их отделений на территории Татарской АССР в 1942–1949 гг., установлено время их функционирования и места дислокации. Определено, что всего на территории республики находилось 5 лагерей, в составе которых насчитывалось 20 отделений. Выяснено, что дольше всего в республике функционировали Елабужский и Зеленодольский лагеря для военнопленных. Определено, что своего максимального значения численность размещенных в Татарской АССР военнопленных и интернированных достигла в июле 1945 г. Приводятся данные о национальном составе находившихся в республике военнопленных и интернированных и их смертности. Установлено, что в военные и первые послевоенные годы на территории республики дислоцировалось два спецгоспиталя для лечения раненых и больных иностранных граждан. Содержатся сведения о смертности военнопленных и современном состоянии мест их захоронения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Татарская АССР, военнопленные, лагерь, лагерное отделение, спецгоспиталь.

В результате Второй мировой войны в русский плен попало 5916,9 тыс. иностранных военнослужащих. В плену оказались и более 200,0 тыс. советских граждан, воевавших на стороне Германии [1, с. 11, 12]. Интерес исследователей к судьбам иностранных военнопленных стал реализовываться в СССР в начале 1990-х гг. Причина заключалась в рассекречивании в РФ части документальных материалов, связанных с наличием в стране в военные и послевоенные годы иностранных граждан. В последние годы в России и Германии также опубликована часть ранее секретных материалов ГУПВИ НКВД СССР, хранящихся в настоящее время в Российском государственном военном архиве [1; 5; 11]. Это значительно расширило возможности исследователей. При изучении пребывания иностранных военнопленных в русском плену помимо офи-